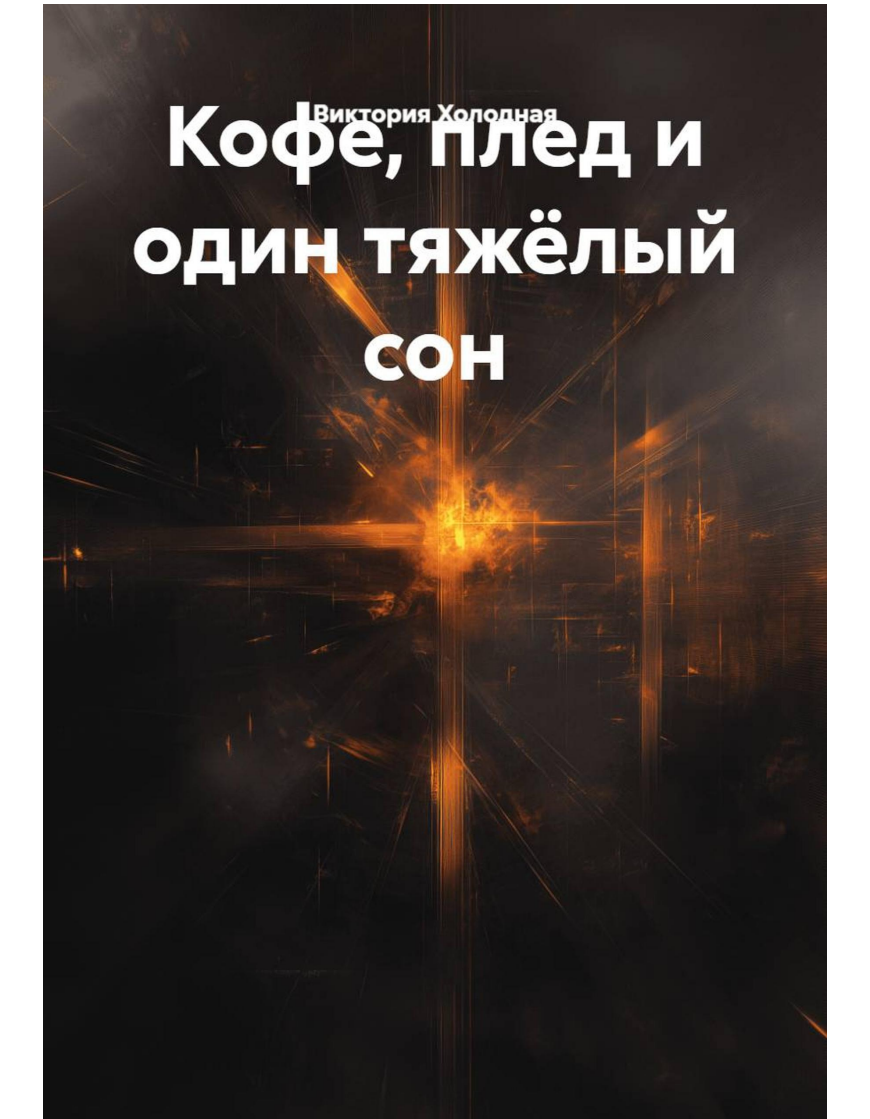

Виктория Холодная

Кофе, плед и один тяжёлый сон

Виктория Холодная

Кофе, плед и один тяжёлый сон

<https://litres.ru/74328338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для тех, кто знает, каково это - быть уставшим и не хотеть ничего объяснять. Для тех, кому важно знать, что где-то есть место, где тебя не станут торопить и чинить. Для тех, кто верит, что поддержка - это не громкие слова, а чашка какао, плед и тихое "я посижу тут, если хочешь". Эта история про Вику и Ульяну: про страх не успеть, про усталость притворяться сильным и про то, как два человека постепенно становятся друг для друга безопасным местом.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктория Холодная

Кофе, плед и один тяжёлый сон

Глава

Ее грудь тяжело поднималась с каждым вдохом. Жизнь покидала ее слишком быстро. Я была к этому не готова. Судорожно зажимая рану на ее животе, я пыталась хоть как-то взять все свои эмоции под контроль. Однако паника была сильнее всех остальных чувств.

- Нет, нет, - лишь шептала я. – Пожалуйста, дыши. Не засыпай.

Но ее глаза понемногу закрывались. Я понимала, что тело перестает бороться с усталостью. Ей хотелось спать. Я видела это. Но... черт побери! Я не хотела этого. Как бы я хотела все это исправить. Вернуться в прошлое и переиграть все события. Не доводить все до предела. Не терять ее... не терять мое милое солнышко...

- Не закрывай глаза!

Я в панике похлопала ее по щеке, видя, что глаза почти уже закрылись. Она дрогнула, но пришла в себя.

- Оставь меня, - прошептала она. – Беги.

- Нет!

Слезы застилали мои глаза. Я не хотела всего этого. Боже, какая же я дура, что доверилась не тому, кому нужно было. **Я ХОЧУ ВСЕ ИСПРАВИТЬ! НО КАК?!**

«Хочешь исправить?»

Громкий голос оглушил меня. Я испугано посмотрела по сторонам. Я схожу с ума? Мне уже мерещатся голоса? Да что происходит?!

«Так хочешь?»

Я молчала, лишь помотала головой, пытаясь выгнать голос из головы. Нет, я не схожу с ума, не так ли? Это просто стресс. Просто стресс от всего, что происходит в последнее время. Мне просто надо помочь ей. Помочь. Спасти. Дать возможность жить.

Кровь текла меж моих пальцев. Ее лицо было уже бледным. Я прямо чувствовала, как с каждым биением ее сердца, кровь в ее теле оставалось все меньше.

- Нет, нет, - только и проговорила я.

На секунду подняв руки, я резко и быстро стянула с себя майку, чтоб ею прикрыть рану. Остановить поток крови. Помогло ли это? Нет. Майка слишком быстро пропиталась.

Жизнь покидала ее. И я это понимала. Головой. Не сердцем. Сердцем я упорно отказывалась верить в то, что через пару мгновений потеряю ту, что дарила мне любовь и счастье в моей жизни.

- Извини, - проговорила она и, сделав последний вздох,

покинула меня навечно.

**

Я резко подскочила на кровати, судорожно делая вдохи. Слезы застилали мои глаза и стекали по щекам. Снова ночной кошмар. Снова кто-то умирает на моих руках. Ну, когда это уже закончится. Как же я устала от всего этого.

Вы бывали на полном дне? Бывало ли у вас ощущение, что вы не можете контролировать свою жизнь? Что она протекает сквозь ваши пальцы и вы просто идете по течению? Я так живу уже очень давно. Определенный распорядок дня: работа, прогулка, дом. И каждый день все по новой. Единственное, что уносит меня в эмоции – сны. Но и там все почти однообразно.

Я встала с кровати и посмотрела на время. 8 утра. Самое время еще поспать, но... уже нет никакого желания. Уже просто хочется забыть то, что мне приснилось. Однако... кто же эта незнакомка, чью жизнь я пыталась спасти?

Не знаю почему, но у меня к ней была теплота, что не свойственна мне в последние лет 10. Я живу без эмоций. Определённый распорядок жизни давно во мне все убил. Хотелось бы мне просто лечь и лежать? О да. Очень хотелось бы лежать и даже не двигаться. Питание и все остальное давно уже ушло на второй план. Ну и фиг с этим.

Вздохнув, я пошла в ванну. Стоя под слегка прохладным душем, я пыталась вспомнить все подробности сна. Но все, что я смогла вспомнить – легкий запах мускуса, мягкие вол-

нистые волосы и нежный голос незнакомки.

Я стояла под душем, пока вода не стала совсем холодной. Это был мой способ заставить себя вернуться в реальность: терпеть дискомфорт, чтобы не думать. Но сегодня даже холод не помогал. Перед глазами всё ещё стояло её бледное лицо, эти последние слова: «Извини». За что она извинялась? И кто она вообще такая?

Выключив воду, я завернулась в полотенце и посмотрела на себя в зеркало. Оттуда на меня смотрела женщина, которую я почти не узнавала: тёмные круги под глазами, кожа, будто выгоревшая от постоянной усталости, и взгляд, в котором не осталось ничего, кроме пустоты. Десять лет назад я умела плакать. Десять лет назад я вообще умела чувствовать. А теперь слёзы приходили только во сне.

На полке лежала старая фотография в потрескавшейся рамке — я и мама. Мы смеёмся, стоим у моря, ветер треплет волосы. Я провела пальцем по стеклу, будто могла стереть время. Мама умерла, когда мне было двадцать. После этого я будто выключила звук в своей жизни: сначала от боли, потом по привычке. Работа, дом, прогулка. Никаких лишних людей, никаких лишних чувств. Так безопаснее.

Но этот сон... он прорвался сквозь все мои барьеры. В нём я не была холодной. В нём я кричала, плакала, пыталась удержать чью-то жизнь. И самое странное — я чувствовала к этой незнакомке такую нежность, будто знала её всю жизнь. Откуда это взялось?

Я вышла из ванной и замерла, услышав тихий звук из кухни. Кто-то скребся в окно. У нас третий этаж. Я подошла и осторожно выглянула: на карнизе сидел голубь, нервно хлопал крыльями и стучал клювом по стеклу. На секунду мне показалось, что это знак, что мир пытается мне что-то сказать. Потом я усмехнулась собственной глупости. Это просто птица. Просто обычный день.

Телефон на столе мигнул — напоминание: «Приём у врача, 11:00». Я поморщилась. Опять эти бесконечные вопросы: «Как спите?», «Что тревожит?», «Есть ли мысли о самоповреждении?». Я всегда отвечала одинаково: «Всё нормально». Потому что «не нормально» означало бы, что мне придётся снова всё это вытаскивать наружу. А я не хотела.

Пока я натягивала свитер, взгляд зацепился за коробку на верхней полке шкафа. Та, которую я запрещала себе открывать. Внутри лежали письма от сестры. Сестра уехала пять лет назад, сказала, что не может больше смотреть, как я «исчезаю по частям». Мы не виделись с тех пор. Я не отвечала на её сообщения. Слишком больно было слышать от кого-то, что я сломана.

Я закрыла шкаф и резко выдохнула. Не сейчас. Не сегодня.

На кухне я машинально поставила чайник, достала ту самую чашку с щербинкой — ту, что в предыдущем варианте разбилась, а здесь пока держится. Пока я ждала, пока закипит вода, пальцы сами потянулись к запястью, где под рука-

вом прятались тонкие шрамы — память о самом тёмном годе. Я быстро опустила рукав. Старые раны не должны напоминать о себе в обычные дни.

Чай получился слишком крепким, почти горьким. Я сделала глоток и поморщилась. За окном моросил дождь, серый город растворялся в серой воде. И вдруг я поняла: я не хочу идти на работу. Не хочу сидеть в офисе, улыбаться коллегам, делать вид, что всё в порядке. Я хочу просто сесть где-нибудь в углу, закрыть глаза и попросить, чтобы этот день закончился. Или чтобы он вообще не начинался.

И тогда я снова услышала этот голос. Тихий, будто из-под воды: «Хочешь всё исправить?»

Я резко поставила чашку. Керамика треснула, и горячий чай пролился на руку. Я даже не поморщилась от боли — меня сковал другой холод. Это не могло быть в моей голове. Не могло.

«Нет», — прошептала я, глядя на дверь, будто голос стоял прямо за ней. «Я не хочу ничего исправлять. Я просто хочу, чтобы меня оставили в покое».

Тишина ответила мне шумом дождя за окном.

**

Я застегнула куртку, хотя на улице было не холодно — просто хотелось спрятаться в чём-то плотном, тяжёлом, будто это могло удержать меня на месте. До приёма оставалось

двадцать минут, и я шла, не глядя по сторонам: мимо витрин, мимо людей с зонтами, мимо кофейни, где пахло корицей и чужой спокойной жизнью.

Кабинет доктора Эмми был на втором этаже старого дома — тихий, с бежевыми стенами и запахом антисептика, который тут ни к месту, но почему-то есть всегда. Я села на стул напротив неё, привычно сложив руки на коленях, будто так я могла спрятать дрожь.

Доктор Эмми смотрела на меня внимательно, без спешки.
— Вы сегодня напряжены сильнее обычного, — сказала она мягко. — Что-то случилось?

Я пожала плечами, как делала всегда, когда вопрос задевал слишком близко.

— Просто плохой сон. Опять.

Она чуть наклонила голову.

— Плохие сны иногда приходят не просто так. Они приносят с собой то, что днём мы стараемся не замечать. Расскажите про него. Если хотите.

Я сжала пальцы под столом. Слова будто цеплялись друг за друга, не хотели выходить. Но потом всё-таки прорвались:

— Мне снится, что я не успеваю спасти кого-то. Каждый раз одно и то же: она умирает у меня на руках, а я ничего не могу сделать. И я так сильно её люблю... так сильно, будто знаю её всю жизнь. Но я её не знаю. Или... не помню.

Эмми кивнула, не перебивая.

— Это чувство узнавания бывает очень острым. Иногда

мозг берёт обрывки эмоций, ощущений — и собирает из них человека, который кажется родным. А иногда это образ того, кто ещё не вошёл в вашу жизнь, но уже занимает в ней место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.